

изменяющейся действительностью, что, несомненно, обнаруживает их единые истоки. Но актуализация прикладного аспекта научного знания и темы повседневности в философии все более удаляет их друг от друга. И конечно, осознание взаимной необходимости должно присутствовать и дополнять исследования.

Итак, выше были представлены существующие подходы к реконструкции онтологии науки в философии. В качестве таковых обозначены следующие: реконструкция на основании существующих в обществе теоретических тенденций и реконструкция образа науки из какой-либо философ-

ской системы. Обращение к истории философии позволило продемонстрировать, каким образом осуществлялась реализация этих подходов в истории развития философской мысли. Но указанные подходы оказываются недостаточными в связи с обнаруживающейся динамикой научного знания. Был предложен иной подход к осмыслению научной онтологии, позволяющий проблематизировать ряд актуальных моментов. Философия, основная функция которой — рефлексия над современностью, благодаря своей плюралистичности, позволяет выделять, осмыслять самые разные проблемы научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гейзенберг В. Физика и философия [Электронный ресурс]. — режим доступа: lib.ru/filosof/gejzenberg/physicsandphilosophy.txt. — 366 к. — 26.11.2008.
2. Парус В.Н., Никифоров А.Л. Эволюция образа науки во второй половине XX века // В поисках теории развития науки / Под ред. А.Л. Никифорова. — М.: Наука, 1982. — 210 с.
3. Степин В.С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-традиция, 2000. — 744 с.
4. Маркова Л.А. От математического естествознания к науке о хаосе // Вопросы философии. — 2003. — № 5. — С. 78-91.
5. Глейк Дж. Хаос: Создание новой науки. — СПб.: Амфора, 2001. — 398 с.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983. — 599 с.
7. Кун Т. Структура научных революций. — М.: ООО Изд-во «АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 365 с.
8. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки: пер. с англ. и нем. — М.: Прогресс, 1986. — 544 с.

Поступила 28.11.2008 г.

УДК 140.1

МЕТАФОРА В НЕКЛАССИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Р.А. Мигуренко

Томский политехнический университет
E-mail: tatarova47@mail.ru

В рамках нетрадиционного понимания метафора представлена как символическая форма в аспекте мифичности сознания, как онтологическая форма существования и механизм функционирования мифичности на уровне мысли и языка. Исследование метафоры в новом аспекте расширяет границы её трактовки и позволяет видеть в ней не только языковую спецификацию «культурной» формы символа, а шире — как спецификацию символов сознания. Определяются специфические функции метафоры, связанные с характером взаимодействия сознания и психики. Делается попытка описать метафору в смысле мифичности сознания в голографической модели.

Ключевые слова:

Метафора, форма мысли, форма мышления, символ, сознание, психика, мифичность сознания, интерпретация, модель.

Начало традиционной парадигме метафоры, господствовавшей в философии в течение многих веков, положило учение Аристотеля. В классическом понимании, метафора — это скрытое сравнение, основанное на принципах аналогии; служит она для украшения речи и является художественным приемом; принадлежит поэтике и риторике и находится вне сферы мышления.

Представление о метафоре как о форме мышления стало доминировать со второй половины XX в. Изменения в понимании метафоры связаны и со сменой традиционных философских воззрений в

отношении рационализма и формально-логического мышления, и в связи с признанием языка в качестве самостоятельной реальности. Именно признание языка первичной сферой философского анализа («лингвистический поворот»), сделал востребованным изучение философскими методами такой формы языка как метафора.

Самое радикальное и неклассическое понимание метафоры мы находим у Ницше, который утверждает: метафора — всё! Человек обладает не знаниями о вещах, а лишь метафорами вещей. Истины — это метафоры, которые уже истрепались и

стали чувственно бессильными [1. С. 258]. Вместе с тем, следует признать, что первым «нетрадиционное» отношение к метафоре выразил Дж. Вико. Это ему принадлежит идея первичности метафорического смысла по отношению к буквальному. Ход рассуждения Вико схематично выглядит следующим образом: массовое сознание связано с эмоциями → эмоциональное сознание порождает символы → символы воплощаются в метафоры → метафора – это маленький миф → миф – это всё [2].

Все теории метафоры, полагает Дж.Р. Сёрль, можно разделить на теории сравнения, утверждающие, что метафорические высказывания связаны со сравнением или сходством двух или более объектов (это и есть традиционные теории), и теории семантического взаимодействия, а именно, метафорически употребленного выражения и окружающего буквального контекста (нетрадиционные теории) [3. С. 315].

В результате исследований метафоры в нетрадиционной парадигме появились новые трактовки метафоры как:

- формы мышления (А. Ричардс: метафора – результат взаимодействия мыслей; цель метафорического процесса определяет сознание, а смысл метафорического образа – слова и выражения) [3. С. 44–67];
- особой формы мысли (П. Рикёр: метафора – это отклоняющаяся предикация, а не отклоняющееся название; семантический сдвиг происходит не на уровне слов, а на уровне смысла; метафорическая референция является первоначальной, так как подсказывает, раскрывает, выявляет глубинные структуры реальности, с которыми мы соотносимся) [3. С. 416–427];
- механизма познания (Э. Маккормак: метафоры как компонента человеческого познания. Как форма познавательного процесса она связана с тем, что получает языковое выражение в определённом культурном контексте с помощью воплощенного сознания) [3. С. 363–381];
- средство организации концептуальных структур, как форма, способная задавать определённые представления о мире (Дж. Лакофф и М. Джонсон: метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой) [3. С. 387–389];
- форма выражения первичного дорефлексивного отношения человека к миру, как генетический феномен (П. Рикёр: метафора связана с метафизическим отношением человека к миру. В метафорический акт вовлечены когнитивный, имагинативный и эмоциональный компоненты духовных сил человека) [3. С. 438–440];
- как номинативный приём, порождающий символ (имя), и как средство выражения символа (Н.Д. Арутюнова: метафора развивается в сторону фиксации смысла; она имеет функцию именования и функцию характеризующую) [3. С. 5–32].

В современной философии сложились различные подходы к метафоре. Если семантический подход наделяет метафору когнитивным значением и смыслом, то прагматический – лишает её всякой когнитивности. Дж.Р. Сёрль первичными полагает конкретные акты произнесения, основополагающим признается прагматический аспект языка, значение метафоры отождествляется с субъективным смыслом: «проблема метафоры затрагивает отношения, с одной стороны, значения слова и предложения, а с другой, – значение высказывания или значение говорящего высказывание... в настоящих метафорических высказываниях именно сохранение выражениями своих значений, и только оно, делает высказывание метафорическим». Безусловно, соглашается Дж.Р. Сёрль, метафорическое высказывание значит нечто отличное от значения соответствующих слов и предложений, но не потому, что изменились значения лексических элементов, а потому, что говорящий имеет в виду нечто отличное от их значений, потому что значение высказывания говорящего не совпадает со значением слова или предложения. Подход Сёрля прагматический, при таком подходе метафора лишается всякого когнитивного значения и считается или бессмыслицей, или, как в данном случае, заменой в прагматических целях прямого значения на фигуральное [3. С. 308–315].

При интенциональном подходе ведущим признаётся коннотативное значение слова. Обратимся к теории Н. Гудмена, согласно которой при образовании метафоры происходит сдвиг от центрального значения рассматриваемого слова к его маргинальному значению. Принадлежность к метафоре, полагает Н. Гудмен, определяет наличие двух составляющих: семантического различия между двумя уровнями значения и логической оппозиции на одном из уровней. Метафора трансформирует свойство, действительное или привнесённое, в смысл; она не только вводит в состав значения скрытые коннотации, но включает в него и такие свойства, которые до той поры не подразумевались [3. С. 208–213].

Контекстуальный подход к метафоре исходит из решающей роли контекста в понимании метафоры; в основе эмотивного подхода лежит идея о том, что смысл метафоры тяготеет к её эмоциональной функции, формальный подход предполагает создание некоей особой формулы метафоры.

Философско-онтологический подход позволяет рассматривать метафору как форму бытия мифичности воплощенного сознания на уровне мысли и языка.

Исследование метафоры в различных аспектах позволяет представить её во всей сложности и многообразии. Изучение роли метафоры в процессе мышления привело к описанию её как средства выражения понимания сложных значений. В ходе изучения взаимоотношений метафорического мышления с метафорой как языковым явлением демонстрируется производность метафорического выражения в языке от концептуальных метафор. Исследование метафоры в отношении проблемы истинности способствовало предположению, что ложность буквального выражения может означать его истинность в метафорическом смысле. Рассмотрение метафоры в области коммуникации явило её в качестве своеобразного фильтра в информационных потоках. Метафора в аспекте мифичности воплощенного сознания описывается как спецификация символа. В этом аспекте метафора предстаёт онтологической формой и механизмом функционирования мифичности сознания.

В рамках онтологического подхода возможно исследование метафоры в смысле мифичности сознания, что, с одной стороны, расширяет границы её трактовки, а с другой, — позволяет видеть в ней не только языковую спецификацию «культурной» формы символа, но и спецификацию символов сознания. При этом, мифичность в отношении сознания трактуется как способность сознания к мифотворчеству, обусловленная его символической природой.

Как онтологическая форма мифичности сознания метафора содержит в себе сознательные и психические компоненты: «основу задаёт сознание», «оболочка» принадлежит психическому. Модификации содержания метафоры, возникающие благодаря «оболочке», — результат множества интерпретаций, проистекающих из множества смыслов, заключённых в символической основе «содержания». В духе Мамардашвили — Пятигорского [5], метафора в смысле мифичности сознания может быть представлена как материя символа, явившаяся в результате индивидуальной психической проработки и языкового описания факта сознания. Иначе: метафора — это изображение символа на полюсе индивидуальной психической и языковой проработки. Если символ понимать как задание сознания, то метафора есть то, что «получилось в ответе», есть результат выполнения этого задания психическим механизмом. Метафора как спонтанный текст представляет собой репрезентацию спонтанных посылок сознания — символов. Как языковой феномен, метафора закрепляет интерпретацию психофизиологическим механизмом структур сознания, в которых уже содержится первичная рефлексия — «переживание» психикой состояний сознания. Как форма, в которой объект и его интерпретация неразличимы, метафора представляет собой новую (мифическую) реальность. Как особое измерение объектов и явлений она есть мифическое сознание. В то же время, метафора является конкретной формой мифического, и чем

ближе метафора к «первичному» сознательному содержанию, тем глубже она по смыслу.

Как способ актуализации символа метафора реализуется двумя путями: от психики к сознанию и наоборот. Способность метафоры ввести психику в определённые структуры сознания — это «путь обратно» (путь К.Г. Юнга). Движение от сознания к психике — «путь туда» (путь Мамардашвили — Пятигорского). Способность символа реализоваться в метафоре обусловлена наличием у него нескольких смыслов: собственного смысла, смысла в отношении сознания и смысла в отношении психики («мира вещей»). Как способ конкретизации символа, метафора есть формализация того нечто от сознания, которое нёс символ; она есть форма жизни символа.

В современных теориях метафора описывается как многофункциональный феномен. Метафора, являясь онтологической формой мифичности сознания, т. е. форма проявления и существования мифологизирующего сознания, решает специфические задачи:

- репрезентации посылок сознания — символов;
- изображения символов сознания на полюсе индивидуальной психической и языковой проработки (иконическая функция);
- простейшей систематизации метаязыка.

Указанные функции связаны с характером взаимодействия сознания и психики. Согласно теории символического сознания, метафора является формой закрепления интерпретации индивидуальной психикой содержательных структур сознания. В ней содержится первичная (специфическая) рефлексия, являющаяся переживанием психикой состояний сознания [5]. В этом случае метафора выполняет указанную функцию систематизации метаязыка. Поскольку метаязык может существовать в форме мифа, метафора участвует в систематизации метаязыковых текстов.

Для описания природы и механизма метафоры была использована модель голограммы, заимствованная из сферы физической оптики, как идеальная форма, позволяющая решить многие проблемы, связанные с познанием метафоры: объединить классические и неклассические трактовки, представить с точки зрения формы, объяснить слияние в ней смысла и образа, мгновенность и эффективность её действия — всё это способна объяснить, по мнению И.В. Полозовой, голографическая модель метафоры [4. С. 23].

Голограмма представляет собой «картинку» взаимодействия двух лучей света — луча отражённого и луча непосредственно идущего от источника света. Это взаимодействие (интерференция) и обеспечивает объёмное изображение, т. е. форму. Воспользуемся идеей голограммы для того, чтобы представить метафору как «объёмную форму», специфическую онтологическую форму мифологизирующего сознания. В нашем случае «источником

света» будет сознание, «отражателем» – индивидуальная психика и её механизм. «Луч света» – это символ сознания, «луч света, отражённый от индивидуальной психики» есть уже символ сознания, интерпретированный психикой. Многофункциональный объект голограммы = символ сознания, психически отражённый, описанный на языке культуры = метафора/«маленький миф». Онтологической основой метафоры/мифа является реальность между сознанием и психикой, но с сознанием и психикой. Модель голограммы позволила нам сконструировать метафорический процесс на уровне взаимодействия сознания и психики. При интерпретации сознания: а) как уровня корреляции психических феноменов; б) как явления совпадения «как?» и «что?»; в) как того, что способно интерпретировать психическое как само себя, – в этом случае необходимое для «голографического» эффекта условие взаимодействия сходных структур «обеспечено» [5. С. 42–44].

Для объяснения природы метафоры, её механизма используются возможности и философии, и психологии, и лингвистики, и квантовой механики (эффект рождения метафоры как эффект квантового скачка), голографическая модель и т. д. Каков

эффект от «эффектов»? Ф. Ницше, занимая самую радикальную, самую неклассическую позицию в отношении метафоры, утверждал: Всё – метафора. Истины – это метафоры, это движущиеся толпы метафор, о которых позабыли, что они метафоры. Наш интеллект – жалкий самообманщик. Побуждение к образованию метафор – это основное побуждение человека [1]. И опровергнуть классика, и обратное доказать – трудно: есть аргументы «за», есть аргументы «против». Но следует признать: и человек разумный боится интуиций, и интуитивно мыслящий – презирает абстракции, «но оба они хотят господствовать над жизнью» (в духе Ф. Ницше и вместе с ним).

Двадцатый век – свидетель: неклассические интерпретации метафоры реабилитируют её как форму мышления и мысли; не отрицают её эвристические, гносеологические и интуитивные возможности; признают способности метафоры к структурированию и моделированию наших представлений о мире; объясняют высокий онтологический статус метафоры, который обеспечивается безрассудным (дореклексивным) отношением человека к миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ницше Ф. Об истине и лжи во внеэтическом смысле. Избранные произведения в 3 т. Т. 3. Сост. А.А. Жаровский. – М.: REEL-BOOK, 1994. – С. 254–265.
2. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. – М.-Киев: REFL-BOOK, 1994. – 656 с.
3. Теория метафоры. Сб. статей. Под общей ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
4. Полозова И.В. Метафора как средство философского и научного познания: Автореф. дис. ... д.ф.н. – М.: МГУ, 2003. – 38 с.
5. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ сознания. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.

Поступила 19.11. 2008 г.